Функции русского и тувинского языков в общении матери с ребенком в билингвальных семьях

А. В. Колмогорова¹, О. О. Чыпсымаа²

¹ *Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия*

² *Тувинский государственный университет
Кызыл, Россия*

Аннотация

Проблематика работы находится на перекрестке важнейших дисциплинарных областей современной лингвистики: когнитивной лингвистики, лингвоконцептологии, этнолингвистики, и обращена к рассмотрению специфики языкового сознания ребенка как носителя определенной культуры. Общение матери и ребенка – это сложный коммуникативно-когнитивный процесс, в результате которого происходит тонкая «культурная настройка» процесса восприятия и концептуализации мира ребенком. Статья посвящена прагмакоммуникативному анализу речевого общения в билингвальных семьях с целью определения функциональной значимости русского и тувинского языков в речи матери тувинки, обращенной к ребенку. В статье обосновывается актуальность проблемы, ее научная и практическая значимость, продиктованные системным подходом к осмыслению природы таких явлений, как язык, культура, этноязыковая идентификация, этноспецифика языкового сознания, что позволяет увидеть влияние билингвизма на процесс восприятия и концептуализации мира ребенком, осуществляющихся в общении с матерью. Материалом исследования послужил корпус видео- и аудиозаписей, сделанных в 2017–2018 гг. в тувинских семьях, проживающих в Республике Тыва. В проводимом исследовании объектом функционального анализа статусно-ролевых характеристик тувинского и русского языков в билингвальной семье стали следующие речевые ситуации, отражающие характерное тувинско-русское билингвальное речевое поведение в естественной коммуникации матери тувинки и ребенка: прагматическая ситуация обучения, прагматическая ситуация запрета, прагматическая ситуация побуждения к действию. Анализ видеоматериала и личных наблюдений практик речевого общения в билингвальных семьях, владеющих тувинским и русским языками, позволяет констатировать наличие специфической дистрибуции языков в различных ситуациях общения.

Ключевые слова

функционально-коммуникативный анализ, практика материнского общения, функции языка, билингвизм, концептуализация, прагматическая ситуация, языковое сознание

Для цитирования

Колмогорова А. В., Чыпсымаа О. О. Функции русского и тувинского языков в общении матери с ребенком в билингвальных семьях // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 115–123. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-115-123

Functions of the Russian and Tuvan Languages in Mother – Child Communication in Bilingual Families

Anastasia V. Kolmogorova¹, Oyumaa O. Chypsymaa²

¹ *Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

² *Tuva State University
Kyzyl, Russian Federation*

Abstract

The research question of the paper is at the crossroads of the most important disciplinary areas of modern linguistics: cognitive linguistics, linguistic conceptology, and ethno-linguistics. The paper considers the specificity of the child's language consciousness as a carrier of a certain culture. Mother-child communication is a complex communicative-

cognitive process, as a result of which a subtle “cultural adjustment” of the process of perception and conceptualization of the world by a child takes place. The article is focused on the analysis of verbal communication in bilingual families on the pragma-communicative level. The purpose of the study is to identify significant functions of the two languages (Russian and Tuvan) in Tuvan mother’s communication with her child. A systematic, functional and semantic as well as a pragmatic approaches in the study will help us understand such phenomena as language, culture, and ethnolinguistic identification and will allow us to see the impact of bilingualism on the process of perception and conceptualization of the world by a child in communication with its mother. The research is based on traditional methods: observation of the language material, comparison, description with elements of componential and contextual analysis. The empirical material for the study includes video- and audio recording corpus made during 2017–2018 in Tuvan bilingual families living on the territory of the Republic of Tuva. The following speech situations which reflect the characteristic of the Tuvan-Russian bilingual speech behavior in natural communication between mother and child are analyzed: the pragmatic training situation, the pragmatic ban situation and others. Analysis of video materials and personal observations of speech communication practices in bilingual families who speak Tuvan and Russian languages allows us to state the presence of a specific distribution of languages in various communication situations.

Keywords

practice of maternal communication; functions of a language; bilingualism; conceptualization; pragmatic situation

For citation

Kolmogorova, Anastasia V., Chypsymaa, Oyumaa O. Functions of the Russian and Tuvan Languages in Mother – Child Communication in Bilingual Families. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 115–123. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-115-123

Введение

Общение матери и ребенка – это сложный коммуникативно-когнитивный процесс, в котором происходит «культурная настройка» процесса восприятия и концептуализации мира ребенком. Совокупность представлений об окружающей социальной, природной, культурной среде, разделяемая всеми членами лингвокультурного сообщества, превращается в достояние конкретного индивида – ребенка, будущего полноправного представителя данного коллектива. Чтобы подобная «конвертация» социального в индивидуальное могла произойти, необходим механизм так называемой «мягкой сборки» – опыт сведения воедино побуждений, выразительных средств, ожиданий и аффективных состояний, получаемый во взаимодействии с другими в рамках данной культуры: «пока другие ориентируют свои действия относительно нас, мы осуществляем тонкую настройку собственных действий с тем, чтобы получить компенсацию, в том числе эмоциональную» [Коули, 2009. С. 207].

Подобная «мягкая сборка» особенно важна и ясно просматривается в общении матери и ребенка: специфическое сцепление актов вербальной, невербальной, интенциональной и аффективной активности матери – практика материнского общения [Колмогорова, 2012] – позволяет сориентировать ребенка на принятые в сообществе модели поведения. Скажем, принятое в общении русских матерей со своими детьми использование различных форм «совместного агентива» («Сейчас мы погуляем, помоемся и спать»), «псевдоагентива» («Сейчас Катя чистую маечку наденет» – но мама сама одевает полуторагодовалого ребенка), «псевдосовместного агентива» («А куда мы смотрим?» – смотрит ребенок, но мать концептуализирует это как совместное действие) [Колмогорова, 2015] формирует в когнитивно-коммуникативном опыте ребенка модель поведения, которую можно эксплицировать следующим образом: «в отдельные моменты действия может совершать один человек, а другой заботится и помогает ему, и все думают и говорят так, как если бы это сделали вместе они оба, или второй из них». В рамках русской лингвокультуры данная модель поведения затем экстраполируется на широкий круг ситуаций взаимодействия – учитель / ученик, начальник / подчиненный, врач / пациент т. д. В какой-то степени речь идет об этнокультурных доминантах, которые представляют «устойчивые взаимодействующие мотивационные установки (иерархию мотивов и установок), доминирующие внутри определенного субэтнуса (этнической группы), формирующие потребности его членов и определяющие основные социокультурные параметры его самоорганизации, в итоге его функциональный статус в этнической системе» [Шапошникова, 2008. С. 89–90].

В таком контексте особый интерес вызывает вопрос о том, как подобная культурная настройка реализуется в билингвальных семьях, в которых дети не только усваивают два языка, но у них формируется устойчивое представление о том, с какими моделями социально релевантного поведения связан тот или иной язык. В билингвальном модусе в разной степени активизированы оба языка, что создает благоприятные условия для кодовых переключений [Мишинцева, 2010. С. 99], способности билингва успешно участвовать в двуязычном типе коммуникации, осуществляя выбор языка в соответствии с экстралингвистическими факторами (компонентами коммуникативной ситуации), соединять в одном высказывании, предложении или словосочетании единицы двух языков, не нарушая при этом грамматические нормы ни одного из них [Чиршева, 2004. С. 48].

Методы и материалы

В процессе раннего усвоения двух языков дети-билингвы руководствуются познавательными потребностями без статусной дифференциации языков на родной и неродной [Выготский, 2004; Чиршева, 2014]. В то время как для родителей языки являются разностатусными, что проявляется в различной функциональной значимости языков. В этой связи в эволюции билингвального статуса можно выделить ряд периодов, каждый из которых характеризуется сменой модуса общения [Дебренн, 2015. С. 8]. Использование каждого из языков в конкретной языковой ситуации для матери имеет функциональную прагмакоммуникативную необходимость, т. е. выбор языка зависит от совокупности прагматических параметров в рамках одной коммуникативной интеракции ¹.

Целью настоящего исследования является определение и описание прагмафункциональной значимости русского и тувинского языков в билингвальном речевом общении матери тувинки со своим ребенком.

В качестве ведущего метода использовался метод функционально-коммуникативного анализа ситуаций общения. Функционально-коммуникативный анализ предполагает анализ «языка в действии», «в ситуации общения» ², т. е. анализ высказываний говорящих (коммуникативного акта) с учетом различных как интра-, так и экстралингвистических (возраста, пола, родственных отношений говорящих, прагматических целей и мотивов их коммуникации, успешности / неуспешности акта общения) факторов коммуникативной ситуации [Baxter, 2010].

Материалом исследования послужил корпус видеозаписей общения матерей с детьми в билингвальных семьях в условиях естественной коммуникации. Видео- и аудиофиксация практик материнского общения билингвов – носителей тувинского и русского языков, проводилась на территории Республики Тыва и либо производилась по просьбе исследователя, либо передавалась из семейного архива. В обоих случаях – после письменного согласия информантов на участие в исследовании. Объем корпуса в настоящее время – 93 минуты записи.

Анализ видеоматериала и личных наблюдений практик речевого общения в билингвальных семьях, владеющих тувинским и русским языками, свидетельствует о наличии функциональных особенностей речевого поведения родителей и детей в определенных прагматических ситуациях ³, при этом число ситуаций не ограничено. Мы рассмотрим коммуникативные

¹ Теоретические положения любой коммуникативной интеракции коррелируют с основными вопросами семантики и прагматики языкового общения [Чыпсымаа, 2017].

² Терминология предложена по Ю. С. Степанову [1975]. Подобная терминология встречается у Дж. Бэкстер: «*language in use*», «*language in social context*» [Baxter, 2010].

³ В любой коммуникативной ситуации вербальным и (или) невербальным способом реализуется определенная прагматическая цель (личная интенция говорящего). Таким образом, прагматическая ситуация шире и включает в себя коммуникативную ситуацию.

функции тувинского и русского языков в общении билингвов-тувинок со своими детьми в следующих прагматических ситуациях:

- прагматическая ситуация обучения;
- прагматическая ситуация запрета.

Выбор данных прагматических ситуаций обусловлен прежде всего параметральным признаком целевой группы респондентов (участников ситуации общения) «родитель – ребенок», что однозначно включает рекуррентные действия обучения и запрета. Кроме этого, несмотря на то, что действия обучения и запрета являются разными каналами получения опыта, именно благодаря данным действиям ребенок в первые годы жизни приобретает опыт познания мира, языкового в том числе.

Прагматическая ситуация обучения

Ситуация обучения предполагает овладение «какими-либо навыками, опытом, умением делать что-либо» (ССРЛЯ, 1956. С. 1163)⁴, т. е. направлена на развитие познавательной активности. Прагматическая ситуация обучения включает взаимодействие двух участников, при котором познавательные действия, являясь ключевыми, специально организованными, совершаются осознанно и целенаправленно [Выготский, 2004; Леонтьева, 2011].

Рассмотрим следующий пример:

(1) Мама 20 лет, близнецы 1 год и 11 месяцев, длительность записи 0:32, 2018 г.

Мама с детьми гуляет во дворе частного дома. В ходе прогулки учит счету: берет в руки по одному камушку и считает:

– Один, два. Меңээ санап бер че, Доржу (Давай посчитай мне, Доржу⁵). Два, три, четыре, пять, шесть. Ребенок под каждый счет добавляет по камушку в ладонь матери.

Анализируемая прагматическая ситуация речевого общения матери и ребенка представляет ситуацию обучения. Обращение побуждающего характера звучит в речи матери на тувинском языке (*Меңээ санап бер че, Доржу*). Однако, для обучения ребенка самому счету мама использует русский язык (*Один, два... Два, три, четыре, пять, шесть*). Очевидно, что тувинский язык в данной прагматической ситуации выполняет функцию поддержания эмоционального контакта, а русский – познавательную.

(2) Мама 32 года, сын 8 лет, длительность записи 1:53, 2018 г.

Мама помогает сыну выполнить домашнее задание по математике и задает наводящий вопрос:

– Кор даан бо, алдыга чедини казыырга? (Ну, подумай, к шести вычесть семь?)

Сын спрашивает недоуменно:

– Это как?

Мама пытается объяснить, не замечая при этом своей оговорки в речи:

– Шесть минус семь. Каш боор-дур (И сколько будет?)

Сын отвечает:

– Шесть минус семь будет один.

Пауза. Мальчик удивленно смотрит на маму, затем улыбается и переспрашивает:

– Что? (и тут же сам себе отвечает) А-а-а, нет. Блин, вот это боль! Это минус, а не плюс!

Мама повторяет:

– Минус. Ам каш боор-дур? (И сколько же теперь выходит?)

– Один.

Мама не верит и говорит:

– Мегелеве даан! (Ну, не ври же!)

Сын доказывает, выставив семь пальцев и загибая каждый демонстративно под счет:

– Нет смотри! Семь, да... минус шесть. Раз, два, три... Раз, два, три, четыре, пять, шесть. И чё? Кто тут из нас умнее, ы-ы, мама?

⁴ ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Наука; Изд-во АН СССР, 1948–1965.

⁵ Здесь и далее перевод О. О. Чыпсымаа.

- Ынчаарга бижи че (Тогда записывай).
Сын записывает в тетрадь и проговаривает:
– Написал один.
Мама продолжает:
– Оон? (А дальше?)
Сын переходит к решению другого примера и комментирует:
– А девять минус один будет восемь.
Мама поправляет его:
– Чеден, тос боор чуве диин маарта (Семь и девять нужно писать здесь).
Сын вопросительно и недоверчиво:
– Как? Скажи мне как?
Мама выдвигает встречное требование:
– Сен менээ чугаала даан! Кандыг? Как деп? (Это ты мне скажи! Как? Как же это?)
Сын всё равно не понимает математическое выражение, предложенное мамой, и снова задается вопросом:
– Как?
Мама продолжает:
– Каш боор-дур? (Сколько выходит?)
Сын дает ответ к своему полученному выражению:
– Будет восемьдесят один. Девять минус один будет восемь.
Мама переспрашивает:
– Ынча деп бодап тур сен бе? (Значит, ты так полагаешь?)

Данный фрагмент описывает речевое поведение матери и ребенка в прагматической ситуации обучения, в которой для выражения собственных речевых интенций коммуниканты-билингвы выбирают разные языки: мама – чаще тувинский язык, ребенок – только русский язык. Двуязычие в анализируемом фрагменте оказывает непосредственное влияние на речевое поведение коммуникантов, на их выбор языковых средств для выражения своих прагматических интенций. При этом общение на разных языках не затрудняет сам факт обучения, о чем свидетельствуют ответные реплики, реакции коммуникантов. Рассмотрим микроситуации ответных реплик:

1) на вопрос ребенка *Это как?* мама для объяснения сначала тоже переходит на русский язык *Шесть минус семь*, затем сам вопрос ставит на тувинском *Каш боор-дур (И сколько будет?)*;

2) когда ребенок осознает и восклицает *Это минус, а не плюс!*, мама рефреном повторяет на русском *Минус* и тут же переходит на тувинский язык *Ам каш боор-дур? (И сколько же теперь выходит?)*. Сын сразу отвечает на поставленный вопрос *Один*;

3) реплика мамы *Мегелеве даан! (Ну, не ври же!)*, заставляет сына доказывать, восклицая на русском *Нет, смотри!*

Рассмотренные микроситуации указывают на взаимопонимание между коммуникантами-билингвами. Выбор языковых средств русского языка ребенком представляется как необходимое условие обучения или, возможно, критерий обученности.

Анализ примеров (1), (2) указывает на возможность выделения познавательной функции русского языка и эмотивной функции тувинского языка.

Прагматическая ситуация запрета

Прагматическая ситуация запрета предполагает намерение предотвратить / прекратить планируемое или совершаемое адресатом действие [Ломакина, 2001; Сарайкина, 2007]. Вербализация запрета включает различные по значению и характеру употребления эксплицитные средства выражения (отрицательные императивные и инфинитивные прохибитивные формы), однозначно выражающие идею запрета, и имплицитные языковые средства, которые в контексте с другими средствами языка высказывают запрет. При этом различные средства выражения семантики запрета реализуют разную степень категоричности.

В общении матери с ребенком семантика запрета часто выражается посредством лексической единицы *нельзя*. Действительно, одним из константных значений лексемы *нельзя*,

предлагаемых в разных словарях, является запрет – «2. Не разрешено, запрещается, не следует» (ТСО)⁶; наречие «2. Не разрешается, не дозволено» (МАС)⁷; предикатив «2) Запрещено, запрещается, недопустимо, не следует» (ТСЕ)⁸; «2. Вы говорите, что нельзя совершать какие-то действия, когда имеете в виду, что они запрещены» (ТСД)⁹. Рассмотрим пример билингвального смешанного общения в прагматической ситуации запрета:

(3) Мама 36 лет, сын 1 год и 8 месяцев, длительность записи 1:12, 2018 г.

Мама гуляет с сыном на игровой площадке. Мальчик очень активный, проявляющий самостоятельность, забирается на горку не по лестнице, а со стороны горки и поскальзывается. Мама, увидев это, запрещает ребенку:

– Так нельзя, Нордуп (голос строгий).

Ребенок отходит от горки, оглядывается и пытается повторить действие. Мама останавливает с той же строгой интонацией, но темп речи быстрее:

– Нельзя, Нордуп. Оглум, нельзя. Хоржок (Сына, нельзя. Нельзя).

При этих словах, ребенок пятится назад и бежит уже к лестнице, при этом держится не очень крепко. Мама говорит строго:

– Тутун, оглум, тутун. Ток дидиң, ток дидиң, тутун (Держись, сына, держись. Не ударься, держись).

В данной прагматической ситуации мы наблюдаем два функциональных вида запрета: коррективный и превентивный. Коррективный запрет, который определяется как более жесткий и имеющий большую иллюкативную силу, в речи мамы выражен русской лексемой *нельзя*. В то время как превентивный запрет, предупреждающего характера, обладая не наказательной функцией, а побудительной, передается в речи мамы на тувинском языке (*Тутун, оглум, тутун. Ток дидиң, ток дидиң, тутун*). Таким образом, можно говорить о наличии прохибитивной функции тувинского и русского языков в прагматической ситуации запрета в целом. Однако когда мы имеем дело с разными видами запрета, то наблюдаем некоторую функциональную «специализацию»: коррективный запрет – русский язык, превентивный – тувинский язык.

Интересно отметить, что, когда мы рассматриваем различные виды побуждения к определенному действию, поведению в репликах мам-билингвов (например, во фрагментах (1) и (3) практик речевого общения), данные высказывания побуждающего характера звучат на тувинском языке. Из этого следует, что тувинский язык несет побудительную функцию в билингвальном общении.

(4) Мама 24 года, дочь 2 года, длительность записи 0:49, 2017 г.

Мама с дочерью и племянником гуляют во дворе частного дома. Дети бегают по двору, у девочки в руках мяч. Мама, вдруг заметив, что дочь пытается лизнуть мячик, мгновенно запрещает:

– Ай, нельзя, Севилья. Бляк (соответствует русскому ‘Фуу, бяка’). Незяа.

Девочка понимает замечание мамы, протягивает мячик и говорит:

– Мама, мячик.

– Аскынче сукпас! (Нельзя облизывать!)

Девочка, повторяет:

– Мячик, мама, мячик.

Мама подтверждает и добавляет:

– Ийе. Тегер ик чоп мячикти (Да. Мячик ведь пинать надо).

После этих слов мамы дочка бросает мячик на землю и пинает ногой. Мама хвалит и одобительно повторяет:

– Оу, молодец. Хирлиг шээй, уруум, мячик. Аскынче сукпас (Грязный ведь мячик, доча. Нельзя облизывать).

⁶ ТСО – Толковый словарь Ожегова. URL: <http://endic.ru/rusethy/Nelzja-2276.html> (дата обращения 13.09.2018)

⁷ МАС – Малый академический словарь. URL: <http://endic.ru/rusethy/Nelzja-2276.html> (дата обращения 13.09.2018).

⁸ ТСЕ – Толковый словарь Ефремовой. URL: <http://endic.ru/rusethy/Nelzja-2276.html> (дата обращения 13.09.2018).

⁹ ТСД – Толковый словарь Дмитриева. URL: <http://endic.ru/rusethy/Nelzja-2276.html> (дата обращения 13.09.2018).

В данной прагматической ситуации запрета также повторяются два функциональных вида запрета: коррективный и превентивный. Коррективный запрет в речи мамы не ограничивается русской лексемой *нельзя*, а далее уточняется в нескольких репликах на тувинском языке (*Аскынче сукпас. Хирлиг шээй, уруум, мячик. Аскынче сукпас*). Данная ситуация запрета оформлена в некоторую рамочную схему коррективного запрета, т. е. ситуация начинается и заканчивается коррективным запретом. Для смягчения жесткости коррективного запрета в общении с маленьким ребенком мама использует в речи детские выражения *Бляк. Незяа*. Фонетическое искажение слова *нельзя* на *незяа* в общении с ребенком придает смягчение запрету. *Бляк*, как коннотативно окрашенная лексема в значении «чего-то отвратительного, нехорошего», используется в целях языковой доступности, осмысления запрета.

Превентивный запрет в речи мамы, произнесенный на тувинском языке (*Ийе. Тегер ик чоп мячикти*), используется с целью отвлечь ребенка от желания попробовать мяч на вкус. Мама напоминает, что надо делать с мячиком: по нему нужно ударять ногой.

Реплики мамы-билингва на тувинском языке имеют намерение не просто запретить, но объяснить, и в этом случае мама пользуется тувинской речью. Вероятно, в билингвальных семьях тувинский язык имеет большую объяснительную силу и тем самым обладает экспланаторной функцией.

Заключение

Таким образом, проанализированный в статье языковой материал практик билингвального речевого общения матери-тувинки со своим ребенком позволил охарактеризовать значимое функционирование тувинского и русского языков в прагматических ситуациях обучения и запрета. Выбор того или иного языка в речевом поведении коммуникантов-билингвов в прагматических ситуациях обучения и запрета позволил выделить следующие прагмакоммуникативные функции:

- тувинский язык выполняет эмотивную, экспланаторную и побудительную функции, служит поддержанию эмоционального контакта, а также реализует прохибитивную функцию превентивного характера;
- русский язык выполняет познавательную функцию и прохибитивную функцию коррективного характера.

Комментируя подобное разделение функций, отметим, что, по всей видимости, в рамках билингвальной коммуникации женщин-матерей первичными социокогнитивными функциями анализируемых языков являются функции маркирования «своего» (тувинский) и «чужого» (но в некоторой степени эталонного) (русский) культурного пространства. Отсюда вытекают отмеченные выше интенции объяснить, предупредить, показав заботу, наладить эмоциональный контакт, реализуемые женщинами при помощи тувинского языка, и строго запретить, дать знания, для которых прибегают к русскому языку.

Список литературы / References

- Выготский Л. С.** Психология развития ребенка: Сб. тр. М.: Изд-во «Смысл», Изд-во «Эксмо», 2004. 512 с.
- Vygotskiy, L. S.** Psychology of child's development. Moscow, Smysl Publ., Eksmo Publ., 2004, 512 p. (in Russ.)
- Дебрени М.** Лингвистическая интроспекция плюрингва // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 3. С. 5–14.
- Debrenne, M.** A plurilingual's linguistic introspection. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 3, p. 5–14. (in Russ.)

- Коули С.** Понятие распределённости языка и его значение для волеизъявления // *Studia linguistica cognitive*. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. С. 192–228.
- Cowley, St.** The concept of distributed language and its importance for the intentionality. In: *Studia linguistica cognitive*. Irkutsk, BGUEP Publ., 2009, vol. 2: A language in face of the change of scientific paradigm, p. 192–228. (in Russ.)
- Колмогорова А. В.** «Мамин язык»: практики материнского общения в контексте распределённой модели языка и когниции. М.: Флинта – Наука, 2012. 177 с.
- Kolmogorova, A. V.** «The motherese»: practices of mother-child communication in the context of distributed model of language and cognition. Moscow, Flinta – Nauka Publ., 2012. 177 p. (in Russ.)
- Колмогорова А. В.** «А чьи там такие сёчки?», или ценностные доминанты «мы-образа» в русской культуре через призму общения матери с ребёнком // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2015. № 1. С. 33–48.
- Kolmogorova, A. V.** «Whose cheeks these are?» or Russian culture values constuing We-image in mother-child communication. *Slovo.ru: Baltic accent*, 2015, no. 1, p. 33–48. (in Russ.)
- Леонтьева Т. В.** Тема образования и обучения в русской паремиологии // *Вестник Иркут. гос. лингв. ун-та*. 2011. № 2 (14). С. 38–49.
- Leontyeva, T. V.** The theme of education and teaching in Russian paremiology. *Science Bulletin of the Irkutsk State Lingvistic University*, 2011, no. 2 (14), p. 38–49. (in Russ.)
- Ломакина Н. А.** Репрезентация концепта «запрет» в рамках диалогического дискурса // *Филология и культура: Материалы III Междунар. науч. конф.* Тамбов, 2001. Ч. 1. С. 85–86.
- Lomakina, N. A.** Representation of the concept "ban" in the framework of the dialogical discourse. In: *Philology and Culture. Proc. of the 3rd International Scientific Conference*. Tambov, 2001, pt. 1, p. 85–86. (in Russ.)
- Мишинцева И. Ю.** Прагматика речи билингвального персонажа (на материале высказываний Эркюля Пуаро) // *Вестник Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение*. 2010. Вып. 43, № 13 (194). С. 99–103.
- Mishintseva, I. Yu.** Pragmatics of the bilingual character's speech (based on the statements of Hercule Poirot). *Science Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art history*, 2010, nol. 43, no. 13 (194), p. 99–103. (in Russ.)
- Сарайкина О. В.** Репертуар языковых средств выражения семантики запрета: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2007. 174 с.
- Saraykina, O. V.** Repertoire of language means with prohibition semantics: Dissertation abstract. Moscow, 2007, 174 p. (in Russ.)
- Свердлова Н. А.** Лингвopsихологические особенности формирования языковой личности билингва // *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*. 2018. Вып. 6 (797). С. 196–202.
- Sverdlova, N. A.** Lingvopsychological Features of Formation of Linguistic Bilingual Identity. *Vestnik Of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences*, 2018, issue 6 (797), p. 196–202. (in Russ.)
- Степанов Ю. С.** Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975. 312 с.
- Stepanov, Yu. S.** Methods and principles of modern linguistics. Moscow, Nauka Publ., 1975, 312 p. (in Russ.)
- Чиршева Г. Н.** Двухязычная коммуникация. Череповец: ЧГУ, 2004. 190 с.
- Chirsheva, G. N.** Bilingual communication. Cherepovets, 2004, 190 p. (in Russ.)

- Чиршева Г. Н.** Родной и неродной языки в условиях формирования раннего детского билингвизма // Филологический класс. 2014. № 1 (35). С. 101–104.
- Chirsheva, G. N.** Native and non-native languages in the development of early childhood bilingualism. *Filologicheskij klass*, 2014, no. 1 (35), p. 101–104. (in Russ.)
- Чыпсымаа О. О.** Языковое описание улыбки как коммуникативной тактики выражения радости, счастья и одобрения (прагматический аспект) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2017. № 3 (59). С. 121–128.
- Chypsymaa, O. O.** Linguistic Description of a Smile as a Communicative Tactics of Joy, Happiness and Acceptance. *Vestnik of North-Eastern Federal University*, 2017, no. 3 (59), p. 121–128. (in Russ.)
- Шапошникова И. В.** Размышления о филогенезе мировоззрения и возможностях его исследования в контексте взаимодействия внешней и внутренней истории языка // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 1. С. 89–107.
- Shaposhnikova, I. V.** Thoughts on Historical Study of Mentality in the Interaction between Internal and External Histories of English. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2008, vol. 6, no. 1, p. 89–107. (in Russ.)
- Baxter, J.** Discourse-analytic approaches to text and talk. In: *Research methods in linguistics / Lia Litosseliti*. London, Continuum, 2010, p. 117–137.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
18.11.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

- Колмогорова Анастасия Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой романских языков и прикладной лингвистики Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия)
- Anastasia V. Kolmogorova**, D. Sc., Professor, Head of the Department of Romanic Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University (79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation)
- nastiaKol@mail.ru
- Чыпсымаа Оюмаа Олеговна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Тувинского государственного университета (ул. Ленина, 36, Кызыл, 667000, Россия)
- Oyumaа O. Chypsymaa**, Cand. of Sci. (Philology), Associate Professor of Tuva State University (36 Lenin Str., Kyzyl, 667000, Russian Federation)
- ojustaz@mail.ru